

УДК 82-6(510)+(517.3)

doi: 10.18101/2305-753X-2018-2-68-76

**ВОСПРИЯТИЕ «ВОСТОКА» В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КИТАЙ И МОНГОЛИЮ
В XIX – НАЧАЛА XX В.**

© Паликова Татьяна Вадимовна

доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Бурятский государственный университет
E-mail: palikova@mail.ru

Изменение вектора внешнеполитического развития актуализирует проблему взаимодействия приграничных территорий страны в рамках ретроспективных исследований. Интенсивность международных связей России — Китая — Монголии в XIX в. привели к созданию значительного эпистолярного наследия, используя которое автор пытается выявить отражение в текстах восприятия «востока» («свой» — «чужой»). В ходе изучения дневниковых записей, воспоминаний, записок и иных источников личного происхождения обнаруживается два уровня понимания этого термина и его трансформация по мере преодоления государственной границы, которая становится демаркацией по культурно-цивилизационному признаку, а первоначальное остроэмоциональное восприятие «чужого» на протяжении XIX в. приобретает более взвешенный характер.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, путешествия в Китай и Монголию, XIX – начала XX в., восприятие «востока» («свой» — «чужой»).

Проблема российско-китайско-монгольских отношений, начиная с XIX в., имеет непреходящее научное значение. Ее актуализации способствует усиление заинтересованности государства в регионе. Внимание это носит волнообразный характер и зависит от изменявшейся внешнеполитической конъюнктуры. Устойчивый интерес к региону, к формам взаимодействия в нем в ретроспективе определяется значимостью восточного вектора во внешнеполитическом курсе страны и его усилению на современном этапе в рамках геостратегического положения территории. Пик исследований приходится на XIX в., и имеет как научный (этнография, история, география), экономический (торговля), культурный, так и военный характер. На протяжении нескольких столетий здесь формировалось трансграничное пространство, включавшее в себя трех неравноценных игроков, если определять место Монголии в этом пространстве как территорию, развивающуюся вплоть до начала 1920-х гг. в фарватере китайской изоляционистской политики. Контакты же имели и официальную (заключение международных двухсторонних соглашений) в целях укрепления торгового сотрудничества, и повседневно-бытовую формы.

Заранее скажем, статья не претендует на всеохватывающий анализ и полностью использования источников, а, предвидя возможную критику, предлагаем рассматривать ее в рамках постановки проблемы восприятия «востока» («свой» — «чужой») в российском эпистолярном ориенталистском наследии XIX – начала XX в.

На официальном, межгосударственном уровне пределы двух держав подтверждены многочисленными трактатами, начиная с Кяхтинского (1727), заканчивая Пекинским (1860), их последующими уточнениями и тщательно охранялись сторонами. В частности, по сообщению Г. Д. Скобельцына (1855), «...китайцы строго преследовали всякий переход русскими их границы» [16], как, собственно, и русские власти, выставлявшие на рубежах казачьи посты, и систематически инспектируя пограничную черту. Это межгосударственное разграничение было гранью и между культурами, которое ощущалось, в том числе и на уровне восприятия носителями этих культур друг друга. Причем оппозиция «свой» - «чужой» была ярко выражена и прочитывается в большинстве аутентичных текстов XIX в. За более чем столетие активного соприкосновения народов накопилось значительное число дневниковых записей и воспоминаний путешественников (как в XIX в. называли всех россиян вне зависимости от цели посещения Китая–Монголии).

Наибольший интерес среди них с точки зрения поставленных задач представляют тексты участников различных экспедиций и миссий, иногда не подготовленных к восприятию иного образа жизни, а потому открыто высказывающих свои чувства/ощущения (но при необходимости автор будет прибегать к свидетельствам ученых, беспристрастно описывающих облик, быт, традиции Китая и Монголии). В подтверждение своей мысли приведем цитату из дневниковых записей В.П. Васильева (1858): «Я не финансьер, не стратегик, не политик и т. п. Однако же я человек, и никто не может удержаться, чтоб не рассуждать о предметах ему посторонних, вкривь или прямо, по мере *впечатления и собственного соображения* [*Курсив наш* – Т.П.]» [1]. Учитывая все это, скажем, что сформировалась некая традиция в описании Китая–Монголии, выработались устойчивые стереотипы восприятия, которыми авторы щедро делились с читателями. Основных сюжетов немного: гео-, минерало-, био-, зоо- и т.д. разнообразие территории, природные качества характера народов, отношения к власти и ее представителям, их поведение, быт (чаще одежда, традиции питания), описание городов, военная сила, торгово-промышленное развитие. Ограниченный объем статьи не позволяет осветить все обозначенные сюжеты, поэтому остановимся лишь на двух из них. При этом автор приносит свои извинения за многочисленные цитаты текстов, что, обусловлено содержательной необходимостью.

Из сочинения в сочинение перекочевывало описание, прежде всего, пороков: о склонности китайцев «к притворству, двуязычию... и обманам всякого рода...», подлости, суеверию и коварству пишет В. П. Добель (1818) [7], о их подозрительности — Де-Мин (1836) [6], о грубости, доносах и наветах, избыливающих в Китае, дикой кичливости — В. П. (1849) [4], о назойливой подозрительности и надменности — М. И. Венюков (1858) [2], о хитрости — Э. И. Стогов (1870) [8], о плутоватости и «круглом невежестве» китайских чиновников — В. М. Грулёв (1899) [5]. Как видим, в этом далеко не полном перечне привлеченных свидетельств отражен довольно полный спектр отрицательных качеств, присущих китайцам. Нужно сказать, что и китайцы платили чужеземцам тем же. По замечанию А. А. Степанова еще «в 1851 году русский журнал «Сын отечества» (т. 11, отд. V) с возмущением писал о непомерной гордыне китайских владык: «Гщеславие их столь велико, что всех посланников от других государств

почитают за привозителей дани». Подвластной маньчжурским императорам оказалась якобы даже... Россия... «Данниками» императоров считались и европейские государства, даже те, которые захватывали у Китая его территории». При этом китайцы, по мысли К. А. Скачкова (1875), находясь в «чистосердечном самообольщении», признавая «варварами все остальное человечество» и восклицали: «не жалки ли западные варвары своей немощью, похищая, воруя древнейшее достояние Китайцев!» [15]. Двадцатью годами позднее при сохранении ситуации в целом наблюдалось ужесточение отношения: «Ныне китаец при всех случаях столкновений с «заморским дьяволом» ... смотрит на него, как на существо низшего порядка и ограничивает свои сношения с ними лишь сферою купли и продажи» [13].

Однако свидетельства такого рода не исключают и положительных аспектов народной природы: «Надобно отдать справедливость китайцам, что они суть самый добрый, кроткий, миролюбивый и покорный народ, с наилучшими способностями ума и здравого рассудка, чрезвычайно понятливы, проницательны и остроумны в высочайшей степени; словом, одарены всеми превосходными качествами, какие только способны сделать народ благополучнейшим в свете» [7]. Эти черты, сформулированные еще в первой четверти XIX в., в той или иной степени полноты встречаются практически во всех сочинениях.

Зададимся вопросом, почему негативный взгляд на китайцев так устойчив? Ответ на него найдем у доктора П. Е. Кирилова: «Они [китайцы] закоснели в своем; а потому не льнут к сердцу иностранца» [9], позднее — у К. А. Скачкова: «Между Китайцами никогда не заметите предпочтения к иноземному, как бывает в других странах. У них всегда все свое лучшее», и чуть ниже: «Любя только родное, к иноземному китаец чувствует природное отвращение. Ни привязанности, ни откровенности, ни преданности, ни честности не дожидаться от него» [15]. А потому и отношение к чужестранцам сугубо прагматическое, они готовы проявить гостеприимность и «щедры на угощение лишь людей нужных, от которых можно ожидать реванш в той или иной форме. Искреннего, радушного гостеприимства к иностранцам нет, да и быть не может, так как оно было бы в совершенном противоречии с затаенной враждой, которую китайцы питают ко всем *ян-гоузам*, вломившимся к ним насильно в виде друзей или культуртрегеров» [5].

Если китайцы чаще всего вызывают негативные эмоции, то монголы — становятся объектом доброжелательного отношения. Так, М. В. Певцов описывая торгоутов, обращает внимание на то, что это — «добрый, простодушный пастушеский народ», радушный, гостеприимный, патриархальный, оставивший приятные воспоминания, отмечает любознательность и дружелюбие монголов, их искренность («Монголы, не исключая женщин и детей, толпами собирались на тоню и с напряженным вниманием следили за движением неводка, а когда он появлялся на берегу с трепетавшею в мешке рыбою, толпа испускала единодушные возгласы изумления») [10], к нравственным качествам относит добродушность, приветливость, честность, прямоту. Монголы вспыльчивы, не злопамятны и не мстительны, но ничего «похожего не видно здесь на те общества, для коих человек предназначен! Кочевая жизнь рассеяла здесь совершенно те общества людей, которых мы привыкли видеть в наших городах, в наших селах. Общества монголов — их стада ... и он не нуждается в общежитии» [9].

Здесь необходимо замечание, суть которого в том, что, во-первых, тексты составлены «русскими европейцами» и это восприятие китайцев с их позиции. Во-вторых, многие авторы проводили черту между народом и бюрократией, между китайцами и маньчжурами, как правило, негативными чертами наделяя вторую составляющую предложенных пар. В-третьих, по мере приближения к началу XX в., менялся тон оценок, они становились более взвешенными, что, во многом объясняется достаточным проникновением в «предмет» исследования в результате длительного процесса познания и подготовленностью авторов к встрече с «иным». В-четвертых, доброжелательность по отношению к монголам дополненная сочувствием определяется бедностью владельцев «жалких юрт», «питающихся поденной работой в городе и подачками зажиточных китайцев за различные услуги им», а более всего усиливавшимися притеснениями со стороны маньчжурской администрации, и ее стремлением ассимилировать народ, на что не единожды обращали внимание мемуаристы.

Мы уже не раз продемонстрировали отношение «русских европейцев» к маньчжурско-монгольской бюрократии, как правило, нелестное для нее, но мало чем отличное от ее собственного восприятия иностранцев. И с той, и с другой стороны — «чужой» — непременно варвар, далекий от цивилизации человек. Справедливости ради скажем, что встречаются уничижительные оценки и российских чиновников. В частности, с точки зрения М. И. Венюкова, забайкальский губернатор конца 1850-х гг. М. С. Корсаков был «слишком мало образован» для этой роли, не знал не только «политической географии соседних с его областью Монголии и Маньчжурии», но и «порядочно русских законов и не имел никаких понятий о том, что называется государственными принципами» [10].

Особенно сложным было восприятие русскими повседневной-бытовой сферы китайского чиновничества и, прежде всего специфической для взгляда европейца одежды. «Наряд китайцев невольно *смешил* [здесь и далее курсив наш – Т.П.] нас: *куриозно* было видеть мужчин в кофтах с юбками... *Забавны* были также и воины китайские, азиатские амуры, с луком и колчаном за спиной, со стеклянною шишкой на шапке и с прикрепленным к ней павлиньим пером»[3], «...князь был одет в обыкновенное монгольское платье; на нем был длинный шелковый кафтан голубого цвета; сверх кафтана короткое шелковое же темнофиолетового цвета платье, род женской кофты с широкими рукавами (ма-гуа-цзы); на голове была летняя соломенная шапка и красною кистью и красным шариком, означающим его генеральское достоинство»[9], «наблюдает большую опрятность и чистоту; руки их [высшее китайское сословие] необыкновенно белы и нежны, как женские» [4]; «...[князь] снял с себя курму и остался только в той части одежды, которая походит ...на женскую рубашку...»[2]; «При входе в приемную они [чиновники] почтительно приседали перед своим начальником, делая как бы книксен, и при этом *забавно* жестикулировали» [11]; «В Европе господствует мнение о необычайной кротости и миролюбии китайской расы, выведенное благодаря женственному облику китайца, его широкому костюму и бабьей прическе»[13]. Представителям маскулинной культуры, которые были или являлись в большинстве своем военными, приверженцам традиционных мужских ценностей, где основополагающей ценностью выступает мужественность и в поведении, и в одежде, образ китайского мужчины, описанный выше, был, по меньшей

мере, непонятен. Поэтому элементы, ассоциирующиеся в европейской культуре с феминностью — коса, веер, зонт, платье, приветствие — неприемлемы и вызывали смех. Они настолько расходились с общепринятыми западными установками, что некоторые авторы отказывали китайцам даже в смелости: «Я видел, как сии герои, обступив наших драгун, сидящих на коне, смотрели на них с ужасом: правда, народ был подобран все рослый, усастый, лошади под ними были как слоны, и каски на них в аршин вышиною... И в Петербурге *смеялись* над ними, когда, возвратясь, говорили мы о войне с Китаем, как о деле не только сбыточном, но и весьма не затруднительном в исполнении» [3].

Если еще в начале века у «русских европейцев» сложный этикет и внешний облик чиновников вызывал неприкрытую насмешливо-язвительную реакцию на грани допустимого приличия («а между тем Байков в углу *со смехом* ругал китайцев непотребными словами, не замечая, что в свите Бейса находились маймачинцы, очень хорошо русский понимающие язык и поговорки») [3], то уже к его середине российских представителей трудно было вывести из состояния равновесия, прежде всего по причине внутренней готовности к неожиданностям. В 1858 г. во время подготовки к подписанию Айгунского мира китайская делегация преподнесла русским связанную свинью в наморднике, которая слегка повизгивала: «Хотя никто из нас не был предупрежден о таком удивительном подарке, но ни один не позволил себе улыбнуться... Нужны были весь навык Николая Николаевича [Муравьева] обращаться с китайцами и все сознание нами торжественности момента, чтобы не хохотать от души» [2]. Последнее обстоятельство заставляло соответствующим образом реагировать и на «китайские церемонии». Одним из эпистолярных приемов, демонстрирующих глубинные различия между двумя культурами, стало противопоставление серьезности и напыщенности поведения китайско-монгольских чиновников, осознающих свое величие перед лицом иностранцев, насмешливости русских по поводу китайского тщеславия: «при торжественной важности и мраморной неподвижности своей могла бы [свита шан-са-да-бы] поразить каждого, если б обстоятельное знание того, с кем имеешь дело, и мимоходное пожатие руки или значительный взгляд товарищей не возбуждали желания похохотать, — желания тем более соблазнительного, что должно было удерживаться и важничать не меньше китайского». Глубочайшей иронией пронизано описание официального приема в Урге Де-Мином: «высокомочные правители отвечали легким поклоном, не заблагоразсудив даже привстать с своих подушек», «весь китайский стоицизм не устоял, когда пристав поднес одному из них водородное огниво», «Китайская мудрость не могла надивиться, как из банки, наполненной жидкостью, выскакивает огонь», «эта штука так распотешила их важность», «монгольское благоразумие целый день только и делало, что добывало огонь...» [6]. Те же чувства вызывают национальные праздники: «И внезапно, также как там, на улице, впечатление страшного сменяется впечатлением чего-то детского и *смешного*. Все это — этот оглушительный шум, эти серьезные деловые фигуры с колотушками в руках — все это кажется таким ненастоящим, нелепым и в то же время *веселым*... Озабоченные китайцы в праздничных одеждах раз на весь год отгоняют таким образом от себя злых духов...» [14].

Как видим, гамма чувств в перцепции «другого» разнообразна: от удивления, восхищения, изумления и непонимания, вызывающего смех, до сочувствия и жалости как с одной (русские), так и с другой стороны (китайцы, монголы). Это граница — по цивилизационному расколу, граница между «западом» и «востоком», между различным набором культурных ценностей, преодоления которого на тот момент было еще невозможно.

При этом обращает на себя внимание особое восприятие «востока» русскими «западниками». Оно имеет два уровня: свой «восток» и «восток» зарубежный. В рамках российской территории народы, проживающие восточнее Урала, и есть «восток», противопоставлявшийся «западу» — центру страны — как живущий в иных условиях, в большинстве своем не обладавший определенными признаками цивилизации, а потому являвшийся «чужим», по отношению к которому применим не только сочувственный эпитет «бедный», но и более сильное определение «прозябавшие племена». Восприятие «другого» достигает максимальной степени уничижения в воспоминаниях В. Фигеля, где автохтонное население севера Сибири (якуты, коряки, тунгусы), пребывавшее в первобытном, почти животном состоянии должно быть цивилизовано («из животных превратить их в людей»).

Однако стоило только оказаться по ту сторону границы, как «чужой» перед лицом зарубежного «востока» становился «своим» («киргизы, ходившие зимой 1875/76 г. с хлебными караванами прямой дорогой в г. Гучен» противопоставлены «туземцам-торгоутам» — *курсив наш — Т.П.*). С одной стороны, противостояние «чужому востоку» проявлено в многократном повторении местоимения «наш». Наш(е/и) государственный герб, отечество, границы, казаки, бийские купцы, калганские комиссионеры, соотечественники, фабриканты в Китае, собственные суда, и список этот можно множить. С другой, активное использование слова «туземец» и по отношению к местному населению восточных окраин России, и по отношению к монголам и китайцам не просто свидетельствует о противостоянии «востока» и «запада», а напоминая английскую колониальную риторику, выявляет высокомерность носителей более высокой с их точки зрения цивилизации.

При этом зона разграничения по линии «свой» — «чужой» центрировалась приграничной Кяхтой. Важность слободы определялась не только ее торговым, но трансферным значением (прежде всего для путешественника). Здесь осуществлялось первое и виртуальное (в разговорах), и реальное его знакомство с «чужим» миром: «Здесь в первый раз встретились мы с Китайцами, которые каждый день с самого утра переходят в Кяхту из Май-май-чена» [6], здесь же происходило расставание со «своей» ойкуменой: «Вереницы верблюдов на улицах города, загорелые, скуластые лица монголов, длинноносые китайцы, чуждая, непонятная речь все это ясно говорило нам, что мы стоим теперь накануне того шага, который должен, надолго разлучить нас с родиной и всем, что только есть там дорогого» [12]. Причем смысл этого расставания углублялся за счет расставания с православной родиной, и неслучайно почти на самой границе кяхтинцы выстроили величественный храм, с умыслом посвятив его Воскресению Христову. Каждая уходящая экспедиция освящалась специально отслуженным молебном, а обозы окроплялись святой водой и в некотором роде становились носителями правой веры, охраняющей от превратностей пути: в «кяхтинской церкви... было

совершенно торжественное молебствие всем собором нашей миссии. — По окончании молебна, священник... окропил весь наш обоз святою водою. Все казаки, назначенные сопровождать миссию, приложились к кресту и подходили с таким чувством, как бы они собирались на вечную разлуку с отечеством. Признаюсь... мысль о родине, о милых сердцу невольно взволновала душу. Я был далеко, почти на краю мира; а там, за этою таинственною чертою, что ждало меня?» [6]. И здесь, так же как и в случае «своего» — «чужого» востока, территория, воплощавшая восток для жителя европейской части страны, перед «лицом» заграницы становилась «своим единым западом»: «Прощай Европа с ее знаменитыми научными центрами, с ее памятниками искусства, с ее картинными галереями, с ее цивилизацией, с ее умственной жизнью!» (1907) [17].

Таким образом, все вышесказанное позволяет утверждать, что государственная граница являлась демаркационной линией государств, культур и цивилизаций. Несмотря на разнообразные длительные контакты, ценностные ориентиры были довольно различными и на начальном этапе не преодолимыми, противоречия в восприятии «чужого» эмоционально окрашены, но с течением времени, по мере проникновения в смысл ценностных установок и постепенного узнавания «иной» культуры, отношение становится взвешенным, эмоциональным накал уступает место сдержанности.

Литература

1. Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин. Прихожане, захожане и верующие. 23 ноября Васильев В.П. Выписки из дневника, веденного в Пекине // Русский вестник, № 6. 1857. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
2. Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровское кн.изд-во, 1970. – URL: <http://bookre.org.htm>: дата обращения 10.02.2018.
3. Воспоминания Филиппа Вигеля о его путешествии в 1805 году с посольством в Китай, которое неожиданно закончилось в Сибири... [Электронный ресурс]. URL: <http://sibirica.su/sunduk.htm>: дата обращения 10.02.2018.
4. Рассказы кяхтинского старожила. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10 февраля 2018 г.
5. Грулев В. Из поездки в Маньчжурию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10 февраля 2018 г.
6. Де-Мин (Кованько А. И.) Поездка в Китай // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – Т. 35. – № 140. — 1842 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
7. Добель П. В. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. – Москва: Восточный дом, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
8. Записки Э. И. Стогова // Русская старина, № 4. 1903. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
9. Кирилов П. Е. Пекинские письма доктора Кирилова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
10. Певцов М. В. Путевые очерки Джунгарии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgosib.ru.htm>: дата обращения 10.02.2018.
11. Певцов М. В. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
12. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии 1870–1873 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://profilib.net.php>: дата обращения 10.02.2018.
13. Путята Д. В. Очерки китайской жизни. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.

14. Ротштейн А. Манчжурские очерки. Личные наблюдения и заметки // Вестник Европы, 1907. – Т. 1., кн. 1. – Январь. – С. 171–193.
15. Скачков К. А. Очерки Китая. Очерки современного Китая. г. Венюкова // Русский вестник. – 1875. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
16. Скобельцын Г. Д. Записки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.
17. Соколов П. И. Несколько дней в китайском городе Чугучаке и его окрестностях // Исторический вестник. –1907. – № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: дата обращения 10.02.2018.

References

1. 1. Mitropolit Saratovskii i Vol'skii Longin. Prikhozhane, zakhozhane i veruyushchie. 23 noyabrya Vasil'ev V.P. Vypiski iz dnevnika, vedenogo v Pekine // Russkii vestnik, № 6. 1857. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
2. Venyukov M.I. Puteshestviya po Priamur'yu, Kitayu i Yaponii. Khabarovskoe kn.izd-vo, 1970. – URL: <http://bookre.org.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
3. Vospominaniya Filippa Vigelya o ego puteshestvii v 1805 godu s posol'stvom v Kitai, kotoroe neozhidanno zakonchilos' v Sibiri... [Elektronnyi resurs]. URL:<http://sibirica.su/sunduk.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
4. Rasskazy kyakhtinskogo starozhila. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10 fevralya 2018 g.
5. Grulev V. Iz poezdki v Manch'zhuriyu. [Elektronnyi resurs]. URL:<http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10 fevralya 2018 g.
6. De-Min (Kovan'ko A. I.) Poezdka v Kitai // Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedenii. – Т. 35. – № 140. — 1842 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
7. Dobel' P. V. Puteshestviya i noveishie nablyudeniya v Kitae, Manile i Indo-Kitaiskom arkhipelage. – Moskva: Vostochnyi dom, 2002. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
8. Zapiski E. I. Stogova // Russkaya starina, № 4. 1903. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
9. Kirilov P. E. Pekinskie pis'ma doktora Kirilova. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
10. Pevtsov M. V. Putevye ocherki Dzhungarii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.rgo-sib.ru.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
11. Pevtsov M. V. Ocherki puteshestviya po Mongolii i severnym provintsiyam Vnutrennego Kitaya. [Elektronnyi resurs]. URL:<http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
12. Przheval'skii N. M. Mongoliya i strana tangutov. Pervoe puteshestvie v Tsentral'noi Azii 1870–1873 gg. [Elektronnyi resurs]. URL:<https://profilib.net.php>: data obrashcheniya 10.02.2018.
13. Putyata D. V. Ocherki kitaiskoi zhizni. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
14. Rotshtein A. Manchzhurskie ocherki. Lichnye nablyudeniya i zametki // Vestnik Evropy, 1907. – Т. 1., кн. 1. – Yanvar'. – S. 171–193.
15. Skachkov K. A. Ocherki Kitaya. Ocherki sovremennogo Kitaya. g. Venyukova // Russkii vestnik. – 1875. – № 2. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
16. Skobel'tsyn G. D. Zapiski. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.
17. Sokolov P. I. Neskol'ko dnei v kitaiskom gorode Chuguchake i ego okrestnostyakh // Istori-cheskii vestnik. –1907. – № 8. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vostlit.info.htm>: data obrashcheniya 10.02.2018.

PERCEPTION OF THE EAST IN THE EPISTOLARY HERITAGE
OF TRAVELERS TO CHINA AND MONGOLIA
IN THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Tatyana V. Palikova

Dr. Sci. (Hist.), A/Prof.,

Department of World and Russian History,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: palikova@mail.ru

The changing course of foreign policy development actualizes the problem of interaction between the border territories of the country within the framework of retrospective studies. Close international ties of Russia with China and Mongolia in the 19th century led to the creation of a significant epistolary heritage, using which we try to reveal the perception of the East (insiders — outsiders) reflected in the texts. Study of diary entries, memoirs, notes and other sources of personal origin have allowed us to find out two levels of understanding of this term and to reveal its transformation in the course of transcending the border, which had become a demarcation according to the cultural and civilizational characteristics, and the initial acute emotional perception of the "alien" during the 19th century get more balanced features.

Keywords: epistolary heritage; travels to China and Mongolia; 19th – the beginning of the 20th century; perception of the East (insiders — outsiders).